

На прошлой неделе СМИ сообщили о том, что академик Дмитрий Лихачев покинул Гремландию.

На земле одной Атлантидой стало больше. Гремландия придумана Лихачевым еще в 20-х. За Гремландию — идеальное государство, в котором правят законы культуры, — студент Лихачев был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Он выжил. А его страна, пережив Страну Советов, была официально учреждена в середине 90-х в Петербурге. Ее символическая территория равнялась одному квадратному метру. Реальная — той области, которая называется ноосферой. Учреждая Страну Культуры, Лихачев просил организаторов об одном: не затевайте в идеальной Гремландии реальную коммерцию.

— Да что вы, никакой коммерции не будет! Академик понял, что его обманули, когда из банка пришло письмо с предложением получить выделенную Гремландию субсидию. Гремландия — не первая Атлантида Лихачева. До этого был Советский фонд культуры. Потом — «Декларация прав культуры», которую утопили в смольнинских столах «демократические» чиновники. Потом — телеканал «Культура», совестью коего академика просил стать Президент РФ.

Канал выходит. В Петербурге его не показывают. К Лихачеву по поводу канала больше никто не обращался.

● Андрей ЧЕРНОВ

**Дмитрий
ЛИХАЧЕВ:**

Охраняйте свободу совестию

— Дмитрий Сергеевич, вы же не будете отрицать того факта, что наше общество переживает эпоху глубочайшего кризиса...

— Смотря с какой точки зрения... Если на короткой дистанции, то да. Но в целом мы же вышли из семидесятилетнего ужаса! Да, мы движемся вперед с трудом, но ведь и женщина, когда рождает, испытывает боль. Я-то не увижу уже хорошие времена, но надеюсь, что мои правнуки доживут до хорошего общества.

— Несмотря ни на что, вы верите в возрождение России?

— Да, конечно.

— Я так давно не разговаривал с политическим оптимистом...

— Россия обязательно возродится. Только не скоро. Пока нам предстоят очень тяжелые годы. Потому что для того чтобы переломить сознание, нужно время. Нужно, чтобы выросло другое поколение. Сегодняшние школьники — вот на кого я возлагаю надежды. Во многих школах есть хорошие

учителя, и там, где есть хотя бы один хороший преподаватель, например литературы или истории, — там сегодня куется будущее России.

— А вам самому повезло на учителей?

— У меня было много преемственных учителей. Прежде всего в школе, где между учениками и учителями были дружеские отношения, что очень важно. И все учителя продолжали учиться. Преподаватель истории, например, по вечерам изучал арабский язык. Позже я учился в Ленинградском университете, там преподавало колоссальное количество первокурсной профессуры. Мне повезло на интересных людей даже на Соловках.

— Вам удавалось сохранять оптимизм даже на «архипелаге ГУЛАГ»?

— Вы знаете, если бы я не был оптимистом, неизвестно, что бы со мной было. Ведь многие мои сокамерники — или сосидельцы, не знаю, как их называть, одним словом, солдаты — погибли от пьянства и наркомании. Это ужасная вещь: очень талантливые люди гибли, потому что не верили в будущее, в себя.

— В своих статьях вы утверждаете, что возрождение России начнется с возврата к национальным культурным ценностям...

— Да, самое главное сейчас — это культура. Потому что за ней идет нравственность. Понимаете, великая культура не может так просто погибнуть. Мне как-то болгары сказали: в России есть великая литература, на которой народ может возродиться. Я уверен, что без культуры никакие указы и законы не будут действовать. Экономике не надо забывать, но начинать надо с культуры, с нравственности, потому что если вор на воре сидит, то какие экономические законы будут работать?

— Но Карл Маркс утверждал, что культура — это все-

го лишь надстройка, а базис, основание нашей жизни — это экономика...

— Маркс создал ошибочную теорию. Мы более семидесяти лет считали, что бытие (то есть материальное) определяет сознание (то есть духовное). Оказывается, мы ошиблись. Нужно перевернуть марксистскую формулу: не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие. И в Библии сказано: вначале было Слово. То есть вначале был замысел, была определенная концепция того, к чему идти, которая затем осуществилась на практике.

Историческое развитие показало, что Маркс был абсолютно не прав. Его формула порождает бессилие перед обстоятельствами, — ведь бытие от нас не зависит. Это высказывание Маркса — своего рода индульгенция всем ворам и проходимцам. Раз бытие определяет сознание, то что же, давай наживайся, побольше жри, а воспитание, образование — дело последнее. А нужно, чтобы люди торжествовали своим образованием, тем, что прочли и знают больше, чем сосед. Поэтому я такое большое значение придаю классике. Всякой — музыкальной, живописной, изучению классических языков — латыни, греческого, церковнославянского, потому что он определяет богатство современного русского языка. Я считаю, что образованный человек должен иметь больше прав воздействовать на общество.

Потому что демократия — это не абсолютная ценность. Она необходима в том смысле, чтобы не было цензуры — политической, культурной, какой угодно, чтобы была большая свобода. Но демократия как власть толпы — это страшная вещь.

— Дмитрий Сергеевич, многие сегодня говорят, что русская культура умирает. Но мы видим, что открываются выставки, зрители возвращаются в театры, издаются книги...

— И это, конечно, утешение не только для книгоиздателей, но и для тех, кто эти книги читает. Да, мне кажется, что действительно сегодня уже происходят какие-то положительные сдвиги — в культуре, в обществе в целом. Они еле заметны, но они есть. Жалко, что очень упало у нас телевизионное искусство, что не выходит на экран больших хороших фильмов. Театры еще как-то откликаются на современность...

Я связываю надежды на национальное возрождение с двумя обстоятельствами. Во-первых, с традициями, которые складывались в народе веками. А во-вторых, с людьми, способными эти традиции сохранять, укреплять и развивать.

— Но вот что по-настоящему огорчает, так это отсутствие положительных идеалов в обществе. Власти изыскивают на языке уголовников. Вообще уровень культуры человеческих отношений удручающе низок. Как это исправить?

— Видите ли, повысить культуру человеческих отношений, к сожалению, быстро нельзя. Можно повышать образование — хоть до ста лет, хоть до смерти. Но культура — это ведь помимо всего прочего еще и принцип общения. Он формируется уже к шестнадцатилетнему возрасту. Поэтому начинать нужно со школы, с начальной школы и даже более того — с детского сада и яслей. Большую роль, конечно, играет семья. Именно здесь прививаются культурные навыки.

— Что ж, давайте поговорим о значении семейного воспитания. Но для начала скажите, пожалуйста, о том, каким было ваше детство. Из какой вы семьи?

— Дед был из купцов, страшно строгий. Его вся семья боялась настолько, что из моих теток только одна вышла замуж — их не выпускали на улицу, в театры не возили, и домой нельзя было никого пригласить. Отец из семьи ушел рано и стал инженером-электриком. Мои братья тоже стали инженерами, а я пошел по гуманитарной линии, за что отец очень на меня обиделся. Он погиб во время блокады.

Летом мы всегда ездили в дешевое дачное место под Петербургом — Куоккала, ныне Репино, где селился небогатый интеллигент. Это теперь люди перестали друг к другу в гости ходить, а раньше телефонов не было и приходили соседи — просто на огонек, пообщаться. Играли в крокет, катались на лодках, совершали пешие прогулки. Это сейчас семьями не дружат. У отца свои приятели, у матери свои приятели, у детей свои друзья — школьные. А тогда семьями встречались, всегда было много детей, и старшие дружили между собой, младшие — между собой. Потому и удачные были браки, ведь будущие супруги знали друг друга с детства.

Чем объединяется семья? Общими разговорами за столом — за завтраком или ужином. Раньше по вечерам обычно играли или пели. Хорошее пение, между прочим, — идеальный способ объединения людей. А теперь смотрят телевизор, и один у другого пульт переключает программы выбивает из

рук. У нас совершенно исчезли из домашнего воспитания игры. Спорт, который должен быть семейным увлечением, подчинен единственной задаче — воспитывать чемпионов.

Отец и мать много читали: Лесков, Немирович-Данченко. Чехов был очень любим еще в период Чехонте. Всегда обсуждали прочитанное. Дети слушали разговоры о книгах и сами начинали читать. Читать, я уверен, приучает семья. Школа же может приучить любить литературу.

— Или отучить...

— Или отучить, если плохая учительница. Вообще мне кажется, что в детстве у человека должны быть две основные фигуры — это учитель и библиотекарь. Библиотекарь должен рекомендовать книгу, устраивать встречи с интересными людьми, кружки в библиотеке должны собираться.

Я вам скажу, что семья нужна большая, тогда у детей появляются обязанности с самого раннего возраста. Девочка трех-четырех лет несет посуду маме мыть, со стола убирает, на стол накрывает. Старшая девочка следит за младшими детьми. Мальчики тоже что-то делают по хозяйству. Одним словом, у детей создается осмысленная жизнь. Большая семья не воспитывает эгоистов.

— Сегодня и одного-то ребенка поднять нелегко... Раньше рождение детей всячески поощрялось государством, многодетные матери пользовались всеобщим уважением. Теперь же дети никому, кроме родителей, не нужны. Женщина сегодня вынуждена работать наравне с мужчиной...

— Беда наша заключается в том, что мы освободили женщину, но не от того, от чего нужно. Женщину надо было избавить — в нравственном отношении — от тех пуг, которые на нее накладывало слишком большое подчинение мужу в купеческом, крестьянском быту. Но от семьи, от воспитания детей ее нельзя было освободить. Семья, безусловно, должна быть материально более обеспеченной — это сразу же позволит матерям больше времени проводить дома, с детьми.

Совершенно не нужно женщине совсем уходить со службы, но должны быть такие формы работы, которые занимают два-три часа в день. Чтобы она могла отдавать себя семье.

— Было бы интересно узнать о вашей семье — жене, детях, внуках...

— Жена, Зинаида Александровна, младше меня всего на полгода. Мы с ней поженились в 1936 году, так что наш брак с большим стажем. Одна из дочерей погибла в автокатастрофе... Все время ее вспоминаем, но можем привыкнуть к мысли, что ее нет, хотя это произошло уже много лет назад. А вторая дочь в Русском музее работает искусствоведом.

— А внуки у вас есть?

— И правнуки тоже.

— Вы строгий дедушка?

— Нет-нет, я не строгий.

Но когда они недовольны мной, то говорю, что я строгий. (Смеется.) А я говорю, что я строг, но справедлив.

— Несмотря на преклонный возраст, вы ведете активную жизнь: пишете научные статьи, участвуете в общественных дискуссиях, неустанно отстаиваете интересы русской культуры. Откуда вы черпаете силы?

— Думаю, что просто не надо делать больших перерывов в работе. Я ведь всегда работаю, особенно много во время отпусков: тут, в городе, телефон мешает. Помогает и размеренный образ жизни. Встаем всегда в двадцать минут восьмого, провожаем дочь на работу, а потом я сажусь за письменный стол. Последнее время, правда, этот режим все время нарушается, очень много такого, что выбивает из колеи.

Основная моя специальность — древнерусская литература, но я то о Пастернаке пишу, то о Мандельштаме, обращаюсь даже к вопросам музыки, архитектуры. Дело в том, что есть такие области науки, которые по возрасту мне уже трудны. Скажем, текстология — изучение текстов: для этого нужна очень хорошая память, а у меня она уже не та, что в молодости.

Относительно любого рода деятельности у меня принцип такой — не навязывать самому себе никаких взглядов. Понимаете? Я могу отказаться от тех или иных утверждений, которые высказывал, если прихожу к другим выводам. Это, кстати, позволяет лучше общаться с людьми, они не чувствуют во мне упрямого старика, который продолжает долдонить одно и то же.

— Как заметил однажды Хорхе Луис Борхес, «вероятность убеждает нас в том, что когда-нибудь мы умрем». Какие мысли вас посещают в связи с этим?

— Да никаких. Смерти я не боюсь. Дело в том, что я со школьной скамьи начал разрабатывать свою философию. У нас в классе все вырабатывали свое мировоззрение, самостоятельное, не похожее на то, которое было у соседа по парте. Я немножко от него отхожу, меняюсь с годами, но в целом это мировоззрение мне до сих пор помогает. Суть его в сочетании свободы воли с предопределенностью. Для меня время — это одна из форм восприятия действительности.

— Ваша теория, мне кажется, перекликается с мыслями академика Вернадского...

— Отчасти да. Но если учесть, что она возникла у меня еще в детстве, то я его даже опередил. (Смеется.)

— Дмитрий Сергеевич, разрешение задать вам несколько легкомысленных вопросов — о первой любви. Вы помните это чувство? Какой след оно оставило в вашей душе?

— Это очень интимная сфера человеческой жизни, и мне бы не хотелось говорить о ней публично. Сейчас чувство первой светлой юношеской любви в чрезвычайной опасности. Делается все, чтобы его разрушить. По телевидению и в кино.

— Что же делать? Опять вводить цензуру? Но это мы уже проходили.

— Нужно решительно перестроить телевидение и кинематограф. Необходимо ввести запреты и ограничения на передачу такого рода. Не надо бояться запретов, которые охраняют культуру чувств, оберегают человека от всего порочного, пошлого, низкого. Вы скажете: а как же свобода? Но свобода требует охраны и цензуры — не политической, нет, а нравственной.

— Возлагаете ли вы надежды на «культурный» телеканал? Чего ждете от него?

— Не знаю, что выйдет из этого. Надо еще посмотреть. Как мы ни возражали, но Петербург был все-таки отставлен от этого «культурного» канала, нашему городу оставили всего три часа вещания.

— Вы как попечитель «культурного» канала имеете возможность оказывать какое-то влияние на содержание, художественный уровень, политическую направленность передач?

— Да я не попечитель, я никакого отношения к этому каналу не имею. Я оказываю влияние только своими статьями, больше ничем.

— И последний вопрос: чего бы вы пожелали нашим читателям?

— Надеяться и не терять оптимизма.

● Беседовал
Игорь ЛОГВИНОВ

Фото Натальи ПОПОВОЙ

23.11.97

Воспитание